

ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР В РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Когда российско-японские отношения вершились монархами и их ближайшим окружением, слово белого Царя или божественного Тэнно считалось законом. Однако, помазанники Божьи – тоже люди, на мнения и решения которых влияли вполне земные факторы, в том числе внешние. Обращаясь к событиям рубежа XIX-XX вв., невозможно обойти вниманием колоритную фигуру германского императора Вильгельма II, последнего из Гогенцоллернов, который приходился кузеном Николаю II – последнему из Романовых.

Императоры переписывались по-английски и потому называли друг друга на английский лад «Ники» и «Вилли». Об их непростых отношениях написано много, но самую, пожалуй, лучшую характеристику дал им – а заодно и знаменитой переписке монархов – американский писатель и журналист германского происхождения Джордж Вирек, близкий к последнему кайзеру в 1920-1930-е годы:

«Русское понимание монарха как помазанника Божия, абсолютная власть царя и патриархальное устройство русского общества укрепляли его (Вильгельма – В.М.) привязанность. Царь был – по крайней мере, в теории – тем, кем Вильгельм хотел быть. Возможно, было бы лучше, если бы Николай II правил в Германии, а Вильгельм II в России. Для России это точно было бы лучше. У Вильгельма были все качества, которых не хватало царю, – сильная воля, способность и мощное желание править самолично... В тоне искренней благожелательности Вильгельм – как один член Пурпурного Интернационала (монархов – В.М.), обращаясь к другому, – пространно писал Николаю о характере русского народа, глубоко укорененной привязанности крестьян к «батюшке-царю» и о пагубности компромисса с революционными элементами... Единственным последствием этих писем стало то, что царь, понимая собственную слабость, стал недоверчив и попытался освободиться от влияния слишком активного соседа... Кайзер открывал свое сердце с агрессивной откровенностью, получая в ответ мягкую, византийскую уклончивость с поцелуями, объятьями и непреходящим недоверием... Дружба была искренней только со стороны Вильгельма», который, тем не менее, «сохранил доброе отношение к Ники» до конца своих дней¹.

«Тройственное вмешательство»: кто и зачем?

Конец XIX в. был эпохой колониальных империй. Великим державам становилось тесно на земном шаре, поэтому столкновения между ними из-за клочка пустыни или далекого островка в океане несколько раз чуть не привели к большой войне. Дальний Восток играл в этом не последнюю роль. В 1895 г. молодая – в качестве империалистической державы – и амбициозная Япония разгромила дряхлеющий Китай и попыталась отобрать у него не только остров Формоза (Тайвань), но и стратегически важный Ляодунский полуостров. Волей-неволей китайцы согласились. Мирный договор в Симоносеки был уже подписан и одобрен монархами обеих стран, но тут вмешались Россия, Германия и Франция, дав Токио «дружеский совет» ограничиться Формозой.

Идея «Тройственного вмешательства», как его стали называть, принадлежала русскому министру финансов С.Ю. Витте. Как раз в то время он собирался проводить железную дорогу по территории Китая – кратчайший путь от Читы до Владивостока (будущая Китайская Восточная железная дорога, КВЖД), на что требовалось согласие Пекина. Получить его «бесплатно» было невозможно, но тут представился удачный повод – помочь Китаю против Японии. На Особом совещании (собрание высших сановников империи для выработки важнейших решений и представления их на утверждение императора) 11 апреля (30 марта) 1895 г. Витте предложил припугнуть Японию, потребовав ее отказа от претензий на южную Маньчжурию, а если та «не послушает наших дипломатических настояний», то «предписать нашей эскадре, не занимая никаких пунктов, начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты»². Так записано в протоколе, разумеется, не предназначавшемся для публики и опубликованном лишь через много лет. В мемуарах Витте подтвердил сказанное, но тут же соврал (это он делал постоянно!), что его никто не поддержал³. На самом деле он без особого труда сумел «продать» свой проект и убедить в его пользе молодого императора, на которого в ту пору имел заметное влияние.

Вильгельм, стремившийся лично вершить внешнюю политику своей империи, одобрил решение Петербурга и присоединился к нему. 10 июля того же 1895 г. кайзер писал «милейшему Ники» о разговоре с одним из русских придворных: «Я был рад, что мог показать, как тесно связаны наши интересы на Дальнем Востоке, и что мои суда получили приказ помогать твоим в случае надобности, если бы положение стало сомнительным. Что Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма; что если Россия занялась этим гигантским делом, — то естественно, что ты хотел бы, чтобы в Европе все было спокойно

¹ Viereck G. S. The Kaiser on Trial. New York, 1937. P. 183, 185, 188-189.

² Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный архив. Т. 52. С. 81.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 45-47.

и тебе не грозила бы опасность в тылу; и что, разумеется, именно я должен позаботиться об этом и воспрепятствовать всякому, кто бы вздумал мешать тебе и нападать с тыла в Европе, в то время как ты исполняешь великую задачу, возложенную на тебя небом»⁴.

Причины антипатии Николая к «японским макакам» вполне понятны – они ведут свое начало от покушения на него, еще в бытность цесаревичем, в 1891 г. в городе Оцу, во время путешествия по Японии. Шрам от удара саблей зажил быстро, но следствием происшедшего остались не только головные боли. Многие потом пытались играть на этих чувствах – например, китайское чрезвычайное посольство, прибывшее в Петербург в 1895 г. во время мирных переговоров с Японией. Согласно дневниковой записи советника МИД России В. Н. Ламздорфа, «главе посольства поручено также спросить у государя, зажила ли та рана, которая была ему нанесена в Японии?». «Таковы тонкости китайского подхода!» – прокомментировал автор дневника⁵. К китайцам молодой российский император относился с определенной симпатией, что, полагаю, исключает возможность трактовать его антипатию к японцам как расистскую.

Вильгельм откровенно не любил все дальневосточные народы, причем в отличие от «кузена Ники» заочно. Англо-японский союз 1902 г. кайзер объявил предательством – со стороны своего нелюбимого «дяди Берти», британского короля Эдуарда VII – христианской веры и европейской цивилизации. Стремительная модернизация Японии по европейскому образцу в последние десятилетия XIX в. вызывала неизменное восхищение «цивилизованного мира», свидетельствуя, что его модель развития является универсальной и единственно верной. Японцы не уставали повторять, сколько многим они обязаны европейцам и американцам, одновременно напоминая, что оказались достойными и прилежными учениками.

Опыт Германии был учтен в полной мере, поэтому Японию называли «Пруссией Востока». Брат кайзера принц Генрих Прусский восторгался увиденным во время путешествия на Дальний Восток: «Изумительно, какие успехи сделала эта страна за последние двадцать лет, для того чтобы добиться положения, какое, несомненно, она теперь занимает. Япония желает, чтобы к ней относились как к великой державе, и я могу только добавить от себя, что она имеет на это полное право... Тот, кто в настоящее время без предвзятого мнения наблюдает Японию, не может не заметить, что она уже не является безобидной страной гейш, лаковых изделий и т. д.; наоборот, это теперь очень патриотический, строго национально настроенный народ, который уже сейчас является первой державой в Восточной Азии, и при этом державой, внушающей к себе уважение. Установить с ней хорошие отношения было бы умным политическим шагом»⁶. Однако Вильгельм этого шага не сделал. Интересно другое: демонстративная приверженность кайзера европейско-христианским ценностям не мешала его многолетнему заигрыванию с миром ислама и союзу с Османской Портой, который британская и французская пропаганда небезобидно называла «Берлинским халифатом».

Но вернемся к «Тройственному вмешательству». Для Японии оно было особенно болезненно, потому что она «потеряла лицо» перед всем миром. Если бы державы вмешались со своим «советом» в процессе выработки условий мира, как предлагал Ламздорф, цель была бы достигнута куда меньшей ценой. А так как договор был уже подписан и ратифицирован, Тэнно пришлось взять свои слова обратно, да еще под давлением «варваров», что выглядело откровенным унижением. Поэтому в Токио вмешательство вызвало волну негодования против всей Европы – за исключением Великобритании, благоразумно и демонстративно оставшейся в стороне.

Когда русско-японские отношения были напряженными, виновником «Тройственного вмешательства» в японской печати объявлялась Россия. Когда отношения становились партнерскими или союзническими, виновной оказывалась... Германия. Видный дипломат Исии Кикудзиро, министр иностранных дел, посол в Париже и один из творцов антигерманской Антанты, писал уже после Первой мировой войны: «Кайзер вдохновлял и подстрекал Россию к вмешательству в японско-китайские отношения после Симоносекского договора... Желание русских двигаться на восток было почти наследственной болезнью, которая со времен Петра Великого переходила от одного московского царя (так в тексте – В.М.) к другому. Вначале Германия играла на этих желаниях и тем отклоняла энергию России от германской границы. Она подстрекала ее, разыгрывая роль соучастника в планах России, но, когда она увидела, какую большую выгоду извлекала Россия из этих авантур, она сама заразилась русской болезнью и желала иметь собственную морскую базу в Китае. Когда она получила такую базу в заливе Киао-Чао, ее аппетит разыгрался, и она хотела все большего и большего... Не приходится доказывать, что Тройственное вмешательство и оккупация залива Киао-Чао имели основной целью вызвать стремление России к расширению империи на Дальнем Востоке, столкнуть ее с Японией и тем самым добиться истощения сил обеих сторон»⁷. Иными словами, русские, конечно, японцам не друзья, но главный злодей – кайзер.

⁴ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. М.-Пг., 1923. С. 9.

⁵ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896. М., 1991. С. 144.

⁶ Цит. по: Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 196.

⁷ Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 19-20. На протяжении книги эти утверждения повторяются несколько раз.

Киао-Чао и Порт-Артур

«Защитив» Ляодунский полуостров от «посягательств», державы почти сразу же начали требовать от Китая аренды гаваней и территорий – того самого, в чем только что отказали Японии. Наиболее активную экспансию в Маньчжурии развернула Россия, что неудивительно с учетом ее географического положения. Витте был вдохновителем и руководителем этой политики, ставшей одной из главных причин русско-японской войны. Именно за это он так усиленно оправдывался в мемуарах, перекладывая вину на кого только можно.

В конце 1897 г. кайзер добился от Китая прав на аренду порта Киао-Чао (он же Цзяочжоу) в качестве компенсации за убийство там двух германских миссионеров – практика, распространенная в то время в отношениях «белых» с «небелыми». С Японией, правда, такое уже не проходило. Германскому флоту нужна была незамерзающая гавань на Дальнем Востоке, право пользования которой было бы закреплено за ним в любых условиях. Русскому тоже – так чуть позже у Китая были вытребованы в аренду Тальяньван (будущий Дальний, а после перехода к Японии в 1905 г. – Дайрен) и Порт-Артур. Впрочем, за этими шагами стояли не столько моряки, сколько министр финансов Витте, в ведении которого находился торговый флот, и министр иностранных дел М.Н. Муравьев, которому очень хотелось чем-нибудь прославиться. Разумеется, не отставала и вечная соперница – «владычица морей» Великобритания, считавшая, что немцам нечего делать на Дальнем Востоке, и вскоре получившая в аренду порт Вэйхайвэй.

Китайские власти были не против допуска германского флота в свои гавани на зимнюю стоянку, но только на общих условиях с другими, дабы не создавать опасного прецедента. Но вот появился очень весомый – по тем временам – повод: убийство миссионеров (некоторые даже предполагали, что немцы его спровоцировали). Предвидя нервную реакцию Лондона, Парижа и Токио, кайзер попытался предварительно заручиться если не одобрением, то хотя бы согласием российского самодержца. Николай выразил соболезнования по поводу убийства, но от какого-либо демарша воздержался: «не могу ни одобрить, ни не одобрить посылку вами германской эскадры в Киао-Чао», – телеграфировал он кузену и передал дело в МИД. Муравьев выступил против любого участия России в карательных мерах, в чем его поддержал Витте. У России тоже имелись виды на Киао-Чао: оккупировать порт она не собиралась, но не намеревалась и отказываться от права на якорную стоянку, полученного в 1895 г. Положение осложнялось тем, что всего за несколько месяцев до занятия Киао-Чао, Вильгельм во время визита в Петербург заявил «Ники», что не имеет никаких особых намерений относительно этой гавани и готов «уступить» ее России⁸.

Недовольный тем, что венценосный кузен не поддержал его, Вильгельм тем не менее пообещал сохранить за русским флотом право якорной стоянки в Киао-Чао и всячески демонстрировал готовность согласовывать свою дальневосточную политику с российской. «Его величество, безусловно, желает идти с нами рука об руку на Дальнем Востоке, – сообщал 14 (2) декабря 1897 г. из Берлина в Петербург старый и опытный посол Н.Д. Остен-Сакен. – Вильгельм «заверил меня, что... в качестве руководящего принципа выдвигается полная солидарность наших интересов на Дальнем Востоке вплоть до приказа поставить суда его эскадры бок о бок с нашими, если осложнения с Японией вынудили бы нас к враждебным действиям»⁹.

Германский министр иностранных дел, будущий канцлер Б. Бюлов вспоминал, что Остен-Сакен «стал по старому и вовсе не неудачному методу русской дипломатии заранее браниться и жаловаться, уверяя, что наши действия в Восточной Азии произведут в России наихудшее впечатление и встретят сильнейший отпор». «Если бы я поставил себя на место русского министра иностранных дел, – парировал Бюлов, – то я порадовался бы тому, что Германия обоснуется в Восточной Азии, но со своей стороны также нашел бы и захватил наиболее подходящий для России опорный пункт, в качестве которого русские газеты уже давно называют Порт-Артур»¹⁰.

В мемуарах Бюлов без ложной скромности приписал успех занятия Киао-Чао исключительно себе. Однако, его книга, подобно мемуарам Витте, была не столько исповедью, сколько масштабной пиар-акцией по оправданию собственной политики за счет всех остальных, прежде всего кайзера, которому Бюлов так и не простил своей отставки. Эти живо написанные и предельно циничные воспоминания (кстати, при жизни автора не изданные!) останутся любимым источником всех критиков Вильгельма, который, прочитав их, не без юмора заметил: «Первый раз в жизни вижу, чтобы человек совершил самоубийство после смерти»¹¹.

На занятие русским флотом Порт-Артура, что уже прямо угрожало Японии, кайзер 18 марта 1898 г. откликнулся в очередном письме «Ники»: «Я от всей души поздравляю тебя с достигнутым... успехом; мы вдвоем будем хорошими стражами при входе в Печилийский залив и внушим к себе должное уважение, особенно желтым»¹². Донесение Остен-Сакена от того же дня дополнительно содер-

⁸ См. свидетельство германского министра иностранных дел: Бюлов Б. Указ. соч. С. 72-76.

⁹ Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. Т. 87. С. 58-59.

¹⁰ Бюлов Б. Указ. соч. С. 103.

¹¹ Хороший анализ их отношений: Viereck G.S. The Kaiser on Trial. Ch. VII (Указ. соч. С. 144).

¹² Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. С. 24.

жало интересные нюансы: «Вы знаете – сказал Его Величество – что я принимаю близко к сердцу всякий политический успех императора Николая. Вот мы оба прочно утвердились на Дальнем Востоке – пусть это не нравится Англии! Настало время, чтобы она поняла всю тщетность ее претензий на первостепенное и исключительное право на всех пунктах земного шара, на которые притязают ее торговые аппетиты». «Я снова был поражен, – добавил от себя посол, – сколько злобы накопилось у императора против Англии, несмотря на англо-саксонскую кровь, которая течет в его жилах»¹³.

«Наследник меченосной рати»

«Надо помнить еще, что Япония почти не существовала в глазах кайзера... Германия никогда не посылала первоклассных дипломатов в Японию. Что касается кайзера, то с его стороны это было не оплошностью, а результатом полного равнодушия по отношению к Японии», – уверял читателей Исии, вспоминая события рубежа XIX-XX вв. тридцать лет спустя¹⁴. Здесь почтенный автор говорит не всю правду. Не берусь оценивать уровень дипломатов, представлявших империю Гогенцоллернов в Токио, но само существование Страны корня солнца кайзер уж точно никак не игнорировал. 4 января 1898 г. он послал Николаю «набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке»¹⁵. «Народы Европы, охраняйте ваши священные ценности», – гласила надпись на нем. Силы, от которых их предлагалось охранять, символизировала статуя Будды.

Император гордился своим произведением (рисовал он очень неплохо), получившим название «Желтая опасность», и назойливо пропагандировал его, что в результате принесло августейшему художнику только вред в виде антипатии японцев и умелой игры англичан на этих чувствах. Обладая пагубной для государственного деятеля привычкой говорить то, что он думает, без учета возможных последствий, кайзер оказался никудышным пиарщиком, однако, его рисунок стал воплощением еще одного «японского мифа», который в числе многих захватил выдающегося философа Владимира Соловьева.

В книге «Россия и Япония: поверх барьеров» я подробно рассказал о том, какой видели в конце XIX – начале XX вв. «желтую опасность» русские философы и поэты. Поэтому здесь ограничусь относительно малоизвестным стихотворением Вл. Соловьева, посвященным Вильгельму в июне 1900 г. в связи с его решением послать войска в Китай для подавления восстания ихэтуаней или, как их тогда называли, «боксеров». Кайзер призвал европейские державы покарать китайцев, восставших против «белых чертей» и безжалостно убивавших их, – германский посланник стал одной из первых жертв. «Я никогда не видел императора Вильгельма в таком возбуждении», – вспоминал Бюлов¹⁶, слова которого на сей раз подтверждаются и другими источниками.

Японцы приняли участие в интервенции на стороне «цивилизованного мира», стремясь доказать, что они не только вместе с ним сражались против «желтых чертей», но и внесли решающий вклад в победу (как утверждал тот же Исии). Но Вильгельму – как и Соловьеву – за происходящим виделось глобальное столкновение двух миров, двух цивилизаций – Запада и Востока, Христа и Ксеркса. Вот это не раз опубликованное, но редко цитируемое стихотворение, которое говорит само за себя:

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело,-
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»
Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно. . .
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.

Пророчества обоих вспомнит еще один зоркий и проницательный современник Валерий Брюсов в статье «Метерлинк-утешитель», написанной в конце 1904 г. или самом начале 1905 г., но опубликованной только через девяносто лет: ««Желтая опасность»! Выражение успело оплошиться и принять коми-

¹³ Вильгельм II о занятии царской Россией Порт-Артура // Красный архив. Т. 58. С. 154.

¹⁴ Исии К. Указ. соч. С. 68.

¹⁵ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. С. 23.

¹⁶ Бюлов Б. Указ. соч. С. 163.

ческий оттенок. Предостерегали от «желтой опасности» и искренние прозорливцы, как Вл. Соловьев, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. События кричали прямо в уши: за японско-китайской войной следовало боксерское движение, за ним наша война с Японией. И все же до сих пор громадному большинству кажется нелепой, невозможной мысль, что Восток может поработить Европу. «Войну затеяло правительство, нас она мало касается, и чем бы ни кончилась, все опять пойдет своим чередом или, авось, немного иначе», – думает обыватель в России. «Это частное дело русских, они заварили кашу, пусть сами и расхлебывают, а мы у огня погреем руки», – думают в Европе. То и другое мнение, по меньшей мере, – легкомысленный взгляд на исторические события. Воля отдельных лиц и целых поколений ничтожна перед теми силами, которые направляют жизнь народов и государств»¹⁷.

Русско-японская война: европейское зеркало

«Фактор Вильгельма» в качестве «третьей силы» между Петербургом и Токио снова возник с началом русско-японской войны, которой дипломаты, политики и военные всех стран ждали на протяжении нескольких лет.

В конце 1903 г. японский посланник в Лондоне Хаяси Тадасу, который не только отлично говорил по-английски и держался как настоящий джентльмен, но и не жалел сил для налаживания дружеских связей с британской элитой и обработки общественного мнения в желаемом направлении, прямо спросил министра иностранных дел лорда Ленсдауна, на какую помощь может рассчитывать его страна в случае войны. Помимо предоставления флоту стоянок, угля, провизии и воды, пояснил Хаяси, Токио более всего желает «благожелательного нейтралитета» Альбиона.

Его коллега в Берлине Иноуэ Кацуносукэ осторожно поинтересовался у канцлера Бюлова, не связана ли Германия с Россией секретными соглашениями, обязывающими их прийти на помощь друг другу в войне против третьей державы. Канцлер объяснил, что таких соглашений между двумя империями нет, «поэтому в русско-японской военной дуэли мы не примем никакого участия ни с той, ни с другой стороны». От себя он позже добавил: «Мы действительно, по моему мнению, не имели никакой причины портить настроение предприимчивого, готового к прыжку японца, так как война в Азии отдаляла от нас постоянную загаенную угрозу войны в Европе... При всем моем громадном желании сохранить хорошие отношения между Германией и Россией, я считал желательным дать понять склонным к высокомерию петербургским господам, что близкие отношения между Германией и Россией должны быть основаны на взаимности»¹⁸. Такие вот друзья...

Кайзер тоже хотел видеть Дальний Восток главным направлением внешнеполитической экспансии «кузена Ники», но решительно встал на сторону России. 27 (14) октября 1904 г. он направил царю телеграмму, значение которой выходит за рамки нашей темы, но имеет к ней самое непосредственное отношение:

«Уже некоторое время английская печать грозит Германии, что ей ни в каком случае не будет дозволено снабжать Балтийскую эскадру (отправленную под командованием З.П. Рожественского на Дальний Восток – В.М.) углем теперь, когда она в пути... Конечным результатом такой угрозы – войной – была бы полная неподвижность твоего флота и невозможность для него достигнуть своего назначения вследствие отсутствия топлива. Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обоим напомнить твоей союзнице Франции об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с тобой... Не может быть и речи о том, чтобы на подобное приглашение Франция попыталась уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику... Таким путем создавалась бы мощная комбинация трех наиболее сильных континентальных держав, и, прежде чем напасть на нее, англо-японской группе не раз пришлось бы подумать»¹⁹.

То же самое в тот же день повторил послу Остен-Сакену первый советник МИД Германии барон Ф. Гольштейн, закулисный вершитель внешней политики империи после отставки Бисмарка. Изложив разговор, посол заключил депешу в Петербург неутешительным, но пронизательным выводом: «К несчастью, не подлежит сомнению, что даже благоприятный исход нашей войны с Японией не даст нам возможности заключить мир по нашему усмотрению. Мы столкнемся с англо-американской коалицией, созданной для того, чтобы помешать нам пожать плоды наших побед (выделено мной – В.М.). Было бы иначе, если бы Франция и Германия были на нашей стороне» (С. 8).

Остен-Сакен понимал, что деятельность виконта Канэко, барона Суэмацу и других профессионалов имиджевых войн, направленных японским правительством за границу, уже дала свои плоды – для России максимально неблагоприятные. Всего через несколько месяцев после начала войны английский король Эдуард VII уверенно говорил Бюлову: «Русские должны самих себя винить за свою неудачу. Их дипломатия была столь же неискусна, как теперь их военные действия на море и на суше. Японцы действуют во всех направлениях исключительно. Морально они также правы. Россия не имела ни права, ни

¹⁷ Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии, 1902-1924. М., 2003. С. 89-90.

¹⁸ Бюлов Б. Указ. соч. С. 256.

¹⁹ Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке // Красный архив. Т. 5. С. 5-6. Далее цит. по этому изданию с указанием страниц в тексте.

повода идти в Порт-Артур. Ей совершенно нечего искать в Корее, и она грубым образом оторвала Маньчжурию от Китая»²⁰. Бюлов не мог не знать, что думал, говорил и писал по этому поводу его сюзерен. Однако промолчал.

Не желая брать на себя инициативу, Николай попросил Вильгельма «набросать» проект соответствующего русско-германского договора, к которому Франция должна была бы присоединиться как союзница России. Вильгельм не замедлил послать ему текст, пояснив, что «конечно, союз должен быть чисто оборонительным, направленным исключительно против нападающего или нападающих в Европе, нечто вроде компании взаимного страхования от огня против поджогов. Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении, – добавил он. – Рузвельт (Теодор, президент США – В.М.), как мне известно, в силу врожденной антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии. Кроме того, американцы прекрасно сознают тот неоспоримый факт, что могущественная Японская империя является постоянной опасностью для американских Филиппин» (С. 9). Коротко суть договора, предложенного кайзером (при участии Бюлова) сводилась к следующему: «Если одна из двух империй подвергнется нападению одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами» (С. 11).

Николай и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф начали работать с документами и заключили свой проект следующей статьей, вероятно, навеянной депешей Остен-Сакена: «Соглашение должно оставаться в силе также в случае затруднений, какие могли бы возникнуть во время переговоров о мире между Россией и Японией» (С. 13). «Ники» склонялся к союзническим отношениям с «Вилли», но его дипломаты опасались возможного охлаждения Франции и усиления враждебности Англии. «К тем благоприятным для нас предложениям, которые идут к нам из Берлина, следует отнестись весьма внимательно, но в то же время с большой осторожностью | писал Ламздорф 10 ноября (28 октября) 1904 г. Остен-Сакену (в отличие от монархов, эти русские дипломаты с немецкими фамилиями переписывались по-французски). – ... (В Берлине - В.М.) не имелось бы ничего против того, чтобы поссорить нас немножко, внушив нам недоверие и заставляя нас определенно прижать французов к стенке. Очевидно, в Берлине были бы рады усилению и продлению наших разногласий с Англией; лучше всего – совершенно изолировать Россию при помощи трогательных обещаний, благодаря которым она доверилась бы исключительно одной Германии, а последняя после этого, конечно, не упустит случая дать ей почувствовать всю тяжесть и цену этих железных уз» (С. 15). 28 (15) ноября он же представил царю доклад, составленный в осторожных выражениях (на это Ламздорф был великий мастер), но однозначно ставивший под сомнение возможность привлечения Франции к договору, а, следовательно, и пагубность его для отношений с Парижем (С. 22-23).

При таком министре иностранных дел соглашение с Германией было обречено. Несмотря на происхождение, Ламздорф опасался слишком тесных отношений со своей «исторической родиной», что вполне соответствовало воззрениям его друга Витте, тем более что властный Сергей Юльевич к тому времени совершенно подмял под себя нервного и слабохарактерного Владимира Николаевича. Глава российского МИД никогда не служил за границей, проведя всю свою карьеру в здании министерства у Певческого моста в Петербурге, среди бумаг, а не людей, с которыми предпочитал не общаться. Бюлов также сообщает, что честолюбивый и обидчивый Ламздорф был смертельно оскорблен, когда при вступлении в должность не получил от Вильгельма орден Черного орла, как его предшественники на министерском посту.

Историки русско-японской войны и тем более пишущие о ней досужие авторы обычно упускают из виду эту тайную дипломатию, творившуюся за многие тысячи километров от театра военных действий. Тем временем Вильгельм писал Николаю 17 ноября (нового стиля): «Английское общественное мнение в настоящий момент находится в нервном состоянии, близком к помешательству, чему несколько прелестных образчиков мы только что получили» (С. 17). Кайзер принял русские поправки к своему проекту, но выступил против предварительного оповещения Франции, предложив пригласить ее присоединиться к уже подписанному договору. Однако его расчеты не оправдались.

Англия в войну не вступила, потому что стремилась лишь ослабить Россию руками Японии. Франция договорилась с Англией «по-хорошему» и продолжала кредитовать Россию. Теодор Рузвельт, поначалу цинично говоривший о «полезном для интересов других держав взаимном истреблении двух наций»²¹, решительно встал на сторону Японии – как он сам утверждал, под влиянием книги классика японского пиара Нитобэ Инадзо «Бусидо», одного из «очаровательных апостолов полуправды, объяснявших Японию западным народам»²². Эту книгу, написанную по-английски и изданную еще в 1900 г.,

²⁰ Бюлов Б. Указ. соч. С. 269.

²¹ Цит. по: Аварин В. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М., 1947. С. 35.

²² Hugh Buas. Government by Assassination. New York, 1942. P. 10.

* Так называемый «гулльский инцидент»: в ночь с 21 на 22 октября 1904 г. (нового стиля) у Доггер-банки вблизи Гулля эскадра Рождественского обстреляла английские рыболовные суда, приняв их в темноте за... японские мино-

президенту вовремя дал японский посол Такахира Когоро.

Кусахара Кацухидэ, биограф Нитобэ, пишет по этому поводу: «Можно с уверенностью сказать одно: поражения Японии Соединенные Штаты не желали. Они надеялись, что Япония остановит экспансию России в южном направлении. Как знать, если бы Рузвельт вовремя не прочитал «Бусидо», он, возможно, не проникся бы такими симпатиями к Японии и не выступил бы так решительно в ее поддержку (на мирных переговорах с Россией в Портсмуте – В.М.). Так что роль, которую Нитобэ сыграл в этой войне, я рискну сравнить с ролью верховного командования. В результате вся всемирная история, не говоря уже о японско-русских отношениях, претерпела очень существенные изменения»²³. Это ли не признание волшебной силы пиара!

Бьёрке – упущенный шанс

Переговоры императоров замерли почти на полгода, пока 24 (11) июля 1905 г. «Вилли» и «Ники» не встретились в обстановке строжайшей тайны на своих яхтах у острова Бьёрке, в северо-восточной части Финского залива, недалеко от Выборга. Навестив кузена на борту «Полярной звезды», Вильгельм перешел от слов к делу и написал на французском языке договор из четырех статей. К прежнему соглашению добавился один пункт, вызванный последними событиями: «Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед». А также многозначительная оговорка, что целью соглашения является «поддержание мира в Европе» (С. 26-27).

Николай подписал договор, не посоветовавшись ни с кем из министров. Однако, по закону требовалось «конграссигнование», то есть подпись хотя бы одного из них. Закрыв рукой текст, император приказал сопровождавшему его морскому министру адмиралу А.А. Бирилеву, только что назначенному на этот пост, поставить свою подпись. Бирилев сказал «Слушаюсь!» и подписал.

Однако и на сей раз из затей кайзера ничего не вышло. Бюлов резко выступил против ограничения договора Европой, считая вероятной войну с Англией не здесь, а в колониях. То, что договор – попытка гарантии против гораздо более реального французского реванша, как будто не приходило ему в голову: «С договором в Бьёрке у Вильгельма в кармане Германия могла спать спокойно. Он защищал страну от французской агрессии. Он устранил угрозу войны на два фронта и укреплял постоянство мира в Европе. Он сдерживал Англию»²⁴. Канцлер запросил об отставке, снимая с себя ответственность за возможные последствия. Кайзер ответил паническим письмом, пугая Бюлова... своим самоубийством, а также уверяя, что смог добиться от Николая гарантий не поддерживать требования Франции о возврате Эльзаса и Лотарингии и не заключать союз с Англией против Германии. Никаких четких гарантий на этот счет «Вилли» от «Ники» не получил. Бюлов остался на посту, погруженный в сомнения. Вильгельм испытал нешуточное душевное потрясение, ибо был уверен в своем триумфе, и не понимал, чем был недоволен искренне любимый и уважаемый им канцлер.

Затем Витте и Ламздорф окончательно «утопили» договор с помощью посла в Париже А.И. Нелидова: для Франции любое соглашение с Германией было равносильно признанию итогов франко-прусской войны 1870-1871 гг. и отказу от реванша, а на это всерьез рассчитывать не приходилось. Встретившись с кайзером, Витте высказался в пользу договора, но по приезде в Петербург стал влиять на Николая в прямо противоположном направлении, о чем откровенно поведал в мемуарах²⁵. Возможно, он сыграл и на обиде Ламздорфа, без участия которого было принято столь важное решение. Вильгельм пытался убедить Николая, что договор не противоречит франко-русскому союзу, но тщетно – «кузен» не справился со своими министрами и заявил, что соглашение не может вступить в силу пока не будет в полной мере учитывать интересы и пожелания Франции. «Царь показал себя перед императором слабым, несамостоятельным и простодушным. Перед своим министром он показал себя таким же слабым, таким же несамостоятельным и еще, кроме того, вероломным»²⁶.

Условия мира с Японией, пусть не слишком выгодные и малочетные для России, были, наконец-то, выработаны, что давало возможность перейти к следующей насущной проблеме – борьбе с запыхавшим по всей стране «красным петухом» революционного движения. Кайзер не мог не понимать этого. Даже советские историки, которых невозможно заподозрить в симпатиях к императорам, признавали: «После Цусимы Вильгельм изменил свою обычную политику поощрения Николая на продолжение войны. Военное поражение царизма в условиях революционного подъема внутри страны вызывало у Вильгельма серьезные опасения за судьбу царской монархии»²⁷.

носцы. Происшествие, бывшее несомненным следствием военного психоза, поставило англо-русские отношения на грань разрыва, однако было урегулировано в результате наказания виновных русским командованием и давления Франции на английское правительство и деловые круги.

²³ Кусахара К. Нитобэ Инадзо и Россия // Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума. М., 2005. С. 28-29.

²⁴ Viereck G.S. The Kaiser on Trial. P. 201. Ср.: Бюлов Б. Указ. соч. С. 303-309.

²⁵ Витте С.Ю. Указ. соч. Гл. 46-48.

²⁶ Бюлов Б. Указ. соч. С. 306.

²⁷ Гальперин А.Л.. Англо-японский союз. 1902-1921 годы. М., 1947. С. 239.

29 сентября 1905 г. (нового стиля), через три недели после Портсмутского мира и через полтора месяца после заключения второго англо-японского союзного договора, Вильгельм снова попытался усювестить кузена, прибегая к своим излюбленным аргументам, и одновременно немного припугнуть его: «Вся ваша влиятельная печать: «Новости», «Новое время», «Русь», за последние две недели стала резко германофобской и англофильской. Отчасти эти газеты, конечно, подкуплены большими суммами английских денег. Однако это заставляет мой народ быть настороже и сильно вредит возникающим между нашими государствами отношениям... Времена теперь смутные, и мы должны держаться определенного пути; подписанный нами договор есть средство идти прямо, не касаясь вашего (франко-русского – В.М.) союза как такового. Что подписано, то подписано! И Бог был нам свидетелем» (С. 38).

Не желая верить в окончательный отказ Николая, он взывал к нему два месяца спустя: «Если твое французское соглашение, как и наше, чисто оборонительное, тогда нет никакого несоответствия между ними... С другой стороны, я понимаю, что для тебя было бы удобнее не заявлять публично о союзе со мной в тот момент, когда международные революционеры широко распространяют по всему миру гнусную ложь, будто я стараюсь оказать на тебя влияние в пользу реакции» (С. 46-47). Но ничего уже не помогло...

Соглашение в Бьёрке умерло, не родившись, но оставалось тайной для всего мира до 1917-1918 гг.: почти одновременно большевики опубликовали его текст вместе с другими тайными договорами «старого режима», а бывший министр иностранных дел А.П. Извольский поведал о нем на страницах французского журнала «Revue des deux mondes». Тем не менее слово «Бьёрке» стало кошмаром для японской дипломатии, панически боявшейся повторения русско-германского союза против Японии. Борьба с этим предлагалось по-разному. В 1910-е и в 1920-е годы выдающийся государственный деятель Гото Симпэй выдвинул идею «континентального блока» Германии, России и Японии, которую в 1939-1941 гг. подхватили дипломаты-геополитики Тосио Сиратори и Мацуока Ёсукэ. Военный атташе, а затем посол в нацистской Германии Осима Хироси, напротив, видел решение проблемы в японско-германском союзе против России, добившись его оформления в виде Антиконтинентального пакта 1936 г.²⁸

Годом позже, в 1937 г., проницательный Джордж Вирек писал: «Если бы договор в Бьёрке не был саботирован их собственными министрами, Вильгельм II до сих пор правил бы в Берлине, а Николай II в Москве (так в тексте – В.М.), мир избежал бы мировой войны и последовавшей за ней экономической катастрофы. Ленин так и умер бы безвестным изгнанником в Швейцарии, а Троцкий и Сталин не попали бы даже в подстрочные примечания к книге мировой истории. Если бы Вильгельм и Николай были собственными премьер-министрами, России не пришлось бы сражаться с Германией, а Германии – идти между Сциллой британской военной мощи и Харибдой франко-русского милитаризма... Два монарха обеспечивали мир всему миру на целое поколение; два амбициозных министра уничтожили их достижения... Тайный договор в Бьёрке был несравненным дипломатическим успехом, а отказ от него – преступлением»²⁹.

Вильгельм тяжело переживал дипломатическое поражение, наблюдая, как объединяются его противники. К 1907 г. окончательно оформилось «сердечное согласие» Англии, Франции, Японии и России – против Германии. «Если бы он был мудр и благоразумен, – наставительно писал о кайзере Исии, когда отрекшийся император жил в Голландии, – может быть, династия Гогенцоллернов и сейчас спокойно правила бы страной, и Германия была бы первой в мире державой... Он не только нажил себе врагов в Европе, но и своей бессмысленной пропагандой о желтой опасности обозлил Японию»³⁰.

Японофобские настроения кайзера становились все сильнее. Отношения между Токио и Петербургом вступили в недолгий «золотой век», поэтому теперь Вильгельм пугал «желтолицыми чертями» американского президента. «Император был убежден, что война между Японией и Соединенными Штатами совершенно неизбежна и близка... Вильгельм энергично требовал от Рузвельта, чтобы он больше, чем когда-либо, был начеку против «желтой опасности»», обещая тому «помощь германского флота в Атлантике, если американский флот уйдет на Тихий океан, и даже высадку германских войск в Мексике, если японцы нападут на тихоокеанское побережье. Германский кайзер выдумывал настолько нелепые версии о японских агрессивных намерениях, что... в беседе с английским послом Брайсом Рузвельт в связи с этим сказал, что император, очевидно, подвержен видениям, которые бывают у курильщиков опиума»³¹. Правда, американский военный аналитик Гомер Ли в напечатанной в 1909 г. книге «Гордость неведения» (The Valor of Ignorance) всерьез рассматривал вариант высадки японцев в Калифорнии и подсчитывал продолжительность и результаты возможных боев. Сопротивление гражданского населения он, кстати, почти не учитывал.

«Вилли» очень хотел дружить с «Тедди» и завоевать сердца американцев. Сделать это не удалось, но отнюдь не только по вине кайзера. Мир катился к войне, участие Америки в которой на стороне противников Германии решило исход конфликта и судьбу империи Гогенцоллернов.

²⁸ Миякэ Масакэ. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии). Токио, 2000. С. 12-19, 43-45. Миякэ основывался, в том числе на сообщениях Осима (которого знал лично), о чем не раз говорил автору этих строк.

²⁹ Viereck G.S. The Kaiser on Trial. P. 193-194, 204-205.

³⁰ Исии К. Указ. соч. С. 54.

³¹ Первая цитата: Бюлов Б. Указ. соч. С. 230-231; вторая: Гальперин А.Л. Указ. соч. С. 273.